

Стихам Александры Веретиной присущ своего рода нравственный почерк, когда все события окружающего мира и взаимоотношения людей поверяются авторским чувством правды, справедливости и милосердия. Ее строки ассоциативно весьма сложны. Ту или иную поэтическую коллизию поэтессы представляет читателю как свод сопутствующих обстоятельств — ярких, драматичных, представленных живо и чрезвычайно индивидуально. Собственно, так и пишется интимная лирика, однако плотность образов у этого автора исключительно велика. И необходимо напряженно следить за мыслью и эмоциями поэтессы, чтобы итоговый слепок ее души, представленный в стихотворной форме, завладел и твоим сердцем.

Художественное зрение ее лирической героини способно увидеть людей и пространство в мельчайших деталях. Творческое существование автора здесь, кажется, балансирует на грани жизни и смерти: любовь — отсутствие любви; дружба — предательство; доброта — исчезновение доброты... Одновременно, в ее строках живет этическая оценка происходящего, отсутствует обвинение и озвучивается только укоризна.

Многообразие отблесков реальности и мифа у Веретиной — в основе самой ткани ее стиха, в которой разговорной речью поверяются многие высокие смыслы — причем безо всякого цинич-

ного снижения, как это порой принято в модернистской литературе. Лирическая героиня с некоторым сомнением примеряет к себе высокие образцы, потому что считает себя малодостойной фигурой. По существу, здесь все стихи — о трудном духовном пути, на протяжении которого выясняется нетленность и живое присутствие идеала в грубой реальности.

Русский язык в поэзии Веретиной многообразен, его формы порой как бы играют друг с другом, порождая новые смыслы, однако в этом нет ничего от той легкомысленной и безответственной игры в слова, которой сегодня увлечены многие молодые стихотворцы.

Поэтический стиль Александры Веретиной, вбирая в себя творческие наработки русской лирики последних десятилетий, замечательно соединяет в себе и умение сказать длинно, по-городскому подробно, и способность уронить скупые слова, единственные в своем роде, как это принято в традиционной отечественной поэзии. Примечательно, что стихи поэтессы, как представителя молодой поросли воронежской литературы, часто близки людям старших поколений. И это — очевидное свидетельство весомости авторского таланта, способного соединять времена.

Вячеслав ЛЮТЫЙ

ИХТИС¹

Иногда — но не часто — когда мне совсем темно
(расползается волокно, обнажая дно,
все опоры ложатся по принципу домино) —
Он приходит. Садится. Смотрит с особым смыслом.
Говорит: «Не ной. Я — не Ной, но ковчег за мной».
Он затягивается сквозь кашель (табак дрянной),
И я чувую арктический холод его спиной,
На которой — отметины «крест не донес до Лысой».
То есть, как бы на это еще посмотрел Господь...
Но сейчас мне семь смертных грехов не страшны, не спорь,
Если есть и восьмой, он — весь мой, я возьму восьмой! —
Но оставьте меня в моем непокое! С болью
Каждый миг в мою память вгрызается, как фреза:
Он берет меня за подбородок, глядит в глаза,
Говорит: «Выходи. Отсюда. И лучше — за-
меняй кому-то солнце собою».
Это близко к спасенью. Но кто тут меня спасет...
Он хватает меня в объятья, почти трясет:
«То есть, мне можно даже так?» (ему можно все!)
Но я зло усмехаюсь в ответ. Выставляю палец —
Безымянный. На правой. Который хранит ожог.
И, казалось бы, тут до развязки один шаг...
Он склоняется. Дальше (я молча глотаю шок) —
Дует на руку, как ребенку. В восторге пялюсь,

¹ И х т и с (*др.-греч.* — рыба) — древний акроним (монограмма) имени Иисуса Христа, состоящий из начальных букв слов: Иисус Христос Божий Сын Спаситель. Часто изображалась аллегорическим образом — в виде рыбы.

Потому что в нем тьма того, что зовется «свет»!
Потому что в нем смелость смеется, что смерти нет.
Я пыталась пойти поперек, заявляя: «бред!»,
Только пу сердцу просится этот разрез — продольный.
И не надо накладывать швы! Таковы дела,
Что я помню, откуда вышвырнута была.
Он уходит потом, уходит... Но два крыла
На моей спине — отпечатки его ладоней.

* * *

Рокот рождается в глубине, набирая все больше мощи.
Во мне слишком много моря. Как столбик ртути,
Оно поднимается, ищет путь, заполняет грудь, и
Сердце сдаётся. Наверно, ему так проще.
Море ломает кости. Его из меня не выгнать,
К этому не привыкнуть. Боюсь итога.
Море зудит в каждой поре. Его слишком много —
Не выпить, не выплакать и не выплыть.
Я не вмещаю. Оно не прощает и не щадит —
Рвется наружу с прокрутами, лупит в горло,
Вдох перерезав. Покуда в песок не стерло,
Лезвие упираю в трахею, что твой бандит.
Море в суставах скрипит. Сто историй в его просторе
Отшелестело, и голос со временем огрубел.
Губы мои — соль и мел, свет не мил, снег не бел,
Кровавый туман в глазах.
Тысяча децибел.
Во мне слишком много моря.

* * *

Утром ты получаешь отдельный ключ.
Это — когда ты не ждешь ни побед, ни выгод,
Это — когда понимаешь, что свет колюч,
Тьма — милосердней; она оставляет выход.

Ты не смогла быть хорошей, а мир хотел
Строить святого из самой негодной глины
(что-то из физики, про притяжение тел,
что-то другое, про «клин вышибают клином»)..

Это — когда выходя из его двери,
Вспомнив святых, что отцветшие губы сжали,
Ты так устанешь носить свое «нет» внутри
(ты никогда не просилась на их скрижали)!

Ты не смогла быть хорошей — и черт с тобой,
Хватит блуждать меж огней и агоний агнца!
Это — когда ты решишься в последний бой —
И обнаружишь его восходящим к танцу.

Ангелы в небе хмурятся и скорбят,
Как по ножам ты шагаешь, молясь неслышно.
Это — когда выбор делает сам себя,
Ты не сумеешь понять, почему так вышло.

Перед чертой — слишком больно и горячо...
Может быть, глупо бороться, не зная — с тем ли?..

Так — от ладони, лежащейся на плечо,
Падаешь в траву, вжимаясь спиной в стебли.

Это — когда над богами и над людьми,
Шквалом дыханья сметает святые лики,
Это — когда, обмерев, принимаешь мир
Ночью захлеб в раздавленной землянике,

в запахе горького дыма, в слезах, в поту,
в тяжести теплой, к земле придавившей крепко...
Так не на свет ты рождаешься — в темноту! —
кстати, в рубашке (чужой, как нарочно — в клетку).

Там, где закатишь истерику и зрачки
за горизонт (что разорван, как тот напульсник),
там, где к лопаткам прилипли стебельки
слишком похожи на шрамы (да ну и пусть их!) —

там ты встаешь, ожидая удара в грудь
(бьется в нее только сердце, тревожно сжавшись)...
Это — когда ты не можешь в глаза взглянуть,
и предпочла бы в них даже не отражаться.

Свет беспощадно ползет по сырой траве,
плачет захлеб в раздавленной землянике,
он продирается сквозь страх в твоей голове,
дрожь в твоём теле, боль в твоём громком крике,

свет не готов простить тебя, свет — не брат,
он наточил лучи, он — борец за правду,
как под ножом, распадается аккурат
на монумент тишины и на страх «что завтра»?

Это — когда ты готова узнать «умри!»
в вашем почти вавилонском речесмешенье —

Ты получаешь ключ от его двери —
И надеваешь вместо креста на шею.